

W 135
330

582
702.

ПО ПОВОДУ ЗАБАСТОВОКЪ
ВЪ НАШИХЪ
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Профессора П. И. Казанскаго.

№ 30971.



МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.
1905.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, Октября 13 дня 1905 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

ПО ПОВОДУ ЗАБАСТОВОКЪ ВЪ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

*Горе человеку тому, имже соблазнъ
приходитъ... Иже аще соблазнитъ еди-
наго малыхъ сихъ вѣрующаго въ мнѣ,
уже есть ему, да обвиситъ жерновъ
оселскій на выи его, и потонетъ въ
пучинѣ морстей (Матѣ. 18, 6. 7).*

Съ театра военныхъ дѣйствій получаютъ извѣстія одно
печальнѣе другого. Подобно острому кинжалу они прон-
заютъ и рѣжутъ сердце каждаго истинно русскаго чело-
вѣка; подобно ударамъ тяжелаго молота по головѣ они
дѣйствуютъ на него оглушающимъ и ошеломляющимъ об-
разомъ. Уже этого одного вполне достаточно, чтобы у
каждаго русскаго чловѣка, горячо любящаго свое отече-
ство, стало мрачно и мучительно тяжело на душѣ. Но
тяжесть его душевныхъ страданій увеличивается еще въ
нѣсколько разъ, горечь сердечной скорби его становится
еще острѣе отъ извѣстій о многочисленныхъ и разнооб-
разнѣйшихъ проявленіяхъ внутренней смуты, обезсили-
вающей русскій народъ и лишающей его возможности—
съ единодушіемъ и полнымъ напряженіемъ силъ вести
тяжелую борьбу съ сильнымъ и лукавымъ вѣншиимъ вра-
гомъ.

Въ ряду прискорбныхъ проявленій этой внутренней
смуты, раздирающей теперь наше отечество, самымъ при-
скорбнымъ слѣдуетъ признать забастовки нашихъ учеб-

ныхъ заведеній. Онѣ наносятъ глубокий и часто непоправимый вредъ умственному и нравственному развитію нашей учащейся молодежи; сумму гибельныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ забастовокъ, трудно исчислить, измѣрить и взвѣсить.—Какъ только появляется въ студенческой средѣ несчастная и зловредная мысль о забастовкѣ,—почти тотчасъ же нарушается правильное и спокойное теченіе жизни учебнаго заведенія: между студентами начинается броженіе и волненіе, начинаются ссоры, происходятъ совѣщанія, произносятся рѣчи, загораются споры о тѣхъ или другихъ предметахъ, волнующихъ студентовъ и пр. и пр. Тутъ уже становятся невозможными правильное посѣщеніе лекцій, внимательное чтеніе относящихся къ той или другой спеціальности книгъ, спокойное и тщательное производство опытовъ и наблюденій. Прискорбнѣе всего при этомъ то, что волненіе, начавшееся въ студенческой средѣ, захватываетъ не только инициаторовъ, агитаторовъ и приверженцевъ забастовки, но и всѣхъ остальныхъ, даже самыхъ осторожныхъ, благоразумныхъ, горячо преданныхъ своему прямому дѣлу студентовъ. При всемъ своемъ стараніи — быть по возможности дальше отъ начавшихся волненій, относиться къ нимъ какъ можно равнодушнѣе, они все-таки не могутъ сохранить въ душѣ своей свѣтлаго настроенія, спокойствія и равновѣсія, столь необходимыхъ для успѣха умственнаго труда и научныхъ занятій. Случается даже, что горячо преданные наукѣ и потому не сочувствующіе забастовкѣ студенты оказываются въ худшемъ и болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ агитаторы и приверженцы забастовокъ. Достигая своихъ безразсудныхъ, нелѣпыхъ, а иногда темныхъ цѣлей, послѣдніе все-таки находятъ въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе и удовлетвореніе, тогда какъ первымъ приходится испытывать похмѣлье въ чужомъ пирѣ, переносить тяжесть внутренняго противорѣчія. Сами они жаждутъ порядка, спокойствія, возможности всецѣло отдаться научному труду, а давленіе товарищеской толпы ставятъ

для нихъ неодолимые преграды къ осуществленію этихъ стремленій, увлекаетъ ихъ, вопреки ихъ желанію, въ противоположную сторону, принуждаетъ къ бездѣйствію и праздности, къ безгладной трать времени.—Но вотъ цѣль достигнута, забастовка состоялась; университеты и другія высшія учебныя заведенія закрыты; чтеніе лекцій прекращено; тысячи студентовъ остались безъ дѣла и принуждены разсѣяться въ разныя стороны; большинство изъ нихъ вынуждено возвратиться въ неурочное время въ дома родителей. Между послѣдними едва ли много найдется такихъ, которые съ одобреніемъ и похвалою относятся къ забастовкамъ учащейся молодежи и смотрятъ на нихъ, какъ на свидѣтельство о политической зрѣлости нашихъ юношей, какъ на подвигъ гражданского ихъ мужества и потому съ радостнымъ чувствомъ встрѣчаютъ появленіе своихъ сыновей не въ обычное время; напротивъ, большинство родителей на забастовки студентовъ смотритъ, какъ на дѣло противозаконное и преступное, и потому съ тревогой и не сочувственно относятся къ участию въ нихъ своихъ сыновей и съ грустью и скорбью встрѣчаютъ ихъ при несвоевременномъ ихъ возвращеніи домой. Да и сами студенты, при такихъ обстоятельствахъ, чувствуютъ себя въ домѣ родителей какъ бы не на мѣстѣ, бродятъ какъ потерянные, не знаютъ, куда и къ чему себя пристроить. Рѣдкимъ изъ нихъ удается найти какое-нибудь разумное дѣло, полезныя занятія; большинство же изъ нихъ проводитъ время въ праздности и изнываетъ отъ скуки и, чтобы избавиться отъ нея, предается картежной игрѣ, пьянству и всякимъ пустымъ и предосудительнымъ развлеченіямъ. Не сомнѣваемся, что у многихъ изъ нихъ, среди навязанной имъ праздности, пробуждается сильное стремленіе къ серьезному труду, научной работѣ; но они лишены возможности возвращенія къ ней; непреодолимой преградой къ этому служитъ страшное *veto* студенческой громады. И вотъ вслѣдствіе забастовки у каждаго студента, безъ всякой пользы для научнаго его

образования, пропадает, по крайней мѣрѣ, полгода, а иногда и цѣлый годъ, а для родины, для отечества въ общей сложности пропадаютъ цѣлыя тысячи лѣтъ, которыя, при правильномъ употребленіи ихъ нашей молодежью, послужили бы, безъ сомнѣнія, къ весьма значительному увеличенію суммы благоденствія нашего отечества.

Но вредъ, причиняемый забастовками развитію нашего юношества, этимъ не ограничивается; онѣ имѣютъ еще одну сторону, губительно дѣйствующую на нравственное развитіе учащейся молодежи. Въ рукахъ революціонной партіи, стремящейся произвести радикальный переворотъ въ государственной жизни нашего отечества, забастовки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ служатъ однимъ изъ многочисленныхъ средствъ къ поддержанію и усиленію смуты и безпорядковъ во внутренней жизни Россіи, средствомъ къ выраженію протеста противъ существующей системы государственнаго управленія, — къ заявленію требованій разнообразныхъ перемѣнъ въ строѣ государственной жизни. Тысячи неопытныхъ юношей, поступающихъ въ наши университеты и другія высшія учебныя заведенія, сразу подпадаютъ подъ вліяніе распространителей смуты и незамѣтно дѣлаются слѣпыми орудіями ихъ преступныхъ цѣлей. Попадая въ водоворотъ и сумятицу, производимые въ университетской жизни агитаторами забастовокъ, неопытные увлекающіеся юноши быстро усваиваютъ возбужденное и мятежное настроеніе волнующейся толпы, пропитываются духомъ недовольства наличными условіями жизни, пренебреженіемъ и враждою къ существующимъ порядкамъ и строю жизни и скоро переходятъ въ ряды крайнихъ либераловъ и радикаловъ. Такимъ образомъ тысячи неопытныхъ юношей, пришедшихъ въ университетъ для научнаго развитія, тотчасъ попадаютъ въ среду, которая лишаетъ ихъ душевнаго спокойствія, равновѣсія, свѣтлаго и радостнаго настроенія духа, столь необходимыхъ для успѣха въ научныхъ занятіяхъ, — въ среду, гдѣ увлекаются не рѣшеніемъ научныхъ вопро-

совъ, а политикой, безоощадной критикой существующаго строя жизни, проектами желательныхъ реформъ въ жизни государства и общества и пр. Нѣтъ нужды говорить, что здѣсь при всемъ увлеченіи разнообразными государственными и общественными вопросами они не могутъ найти правильнаго и основательнаго разъясненія и рѣшенія: юные реформаторы приступаютъ къ рѣшенію этихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ безъ достаточной научной подготовки и жизненнаго опыта; разсужденія и споры ихъ объ этихъ предметахъ отличаются болѣе горячностью, чѣмъ основательностью, служатъ выраженіемъ не ихъ собственныхъ убѣжденій, но являются отголоскомъ чужихъ мыслей и взглядовъ, какъ бы ребяческимъ лепетомъ и повтореніемъ чужихъ рѣчей, безъ достаточнаго пониманія заключающагося въ нихъ смысла, а что всего хуже — оказываютъ очень вредное вліяніе на учащуюся молодежь въ нравственномъ отношеніи: они способствуютъ развитію въ ней непомѣрнаго самомнѣнія, воображающаго, что какъ только юный, малосвѣдущій гимназистъ поступаетъ въ университетъ, — въ немъ совершается чудесное преобразование, изъ мало опытнаго юноши онъ вдругъ становится зрѣлымъ мужемъ, глубокомысленнымъ государственнымъ человѣкомъ, способнымъ рѣшать государственные вопросы, судить о достоинствахъ и недостаткахъ системы государственнаго управленія, имѣющимъ право — требовать перемѣнъ въ ней и предлагать свои проекты для ея усовершенствованія. Въ чадѣ этой одурманивающей атмосферы многія юныя головы совсѣмъ утрачиваютъ ясность и трезвость мысли, способность самообладанія и при первомъ удобномъ случаѣ переходятъ въ ряды людей, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Отъ болтовни, отъ горячихъ, зажигательныхъ рѣчей и споровъ о разныхъ политическихъ вопросахъ они легко переходятъ къ дѣлу, становятся усердными распространителями въ народѣ разныхъ революціонныхъ идей, съ готовностью принимаютъ участіе во всякаго рода противоправитель-

ственных демонстраціяхъ, въ возбужденіи толпы, въ пошениі по улицамъ красныхъ знаменъ, въ пѣніи революціонныхъ пѣсенъ и въ производствѣ многихъ другихъ уличныхъ беспорядковъ и безобразій... Печальныя послѣдствія всего этого хорошо извѣстны: тысячи юношей бросаютъ свое прямое дѣло, забываютъ о своихъ занятіяхъ науками, теряютъ изъ виду истинную цѣль своего пребыванія въ учебномъ заведеніи; увлекаются призрачными, неосуществимыми для нихъ цѣлями; то, что должно бы имѣть для нихъ значеніе первѣйшей обязанности, они оставляютъ въ пренебреженіи и забвеніи, а на то, что должно бы имѣть для нихъ не болѣе, какъ третьестепенное значеніе, они обращаютъ все свое вниманіе, тратятъ свои молодые силы и энергію. Дальнѣйшимъ не менѣе печальнымъ послѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что одни изъ студентовъ бываютъ лишены возможности кончить курсъ, а для другихъ нормальный курсъ удлинняется на два, на три лишнихъ года, которые не только не приносятъ никакой существенной пользы ихъ умственной и нравственной зрѣлости, но еще нерѣдко сопровождаются мучительнымъ сознаніемъ, что изъ золотого времени студентческой жизни много потрачено на пустяки, сила и энергія израсходованы не на то, на что слѣдовало бы ихъ употребить,— что приходится оставлять высшее учебное заведеніе и вступить въ жизнь съ ничтожными знаніями, безъ достаточной подготовки къ той дѣятельности, къ которой оно должно было подготовить, безъ вѣры въ себя, безъ свѣтлыхъ упованій, съ разстроенными нервами, съ потрясенными нравственными, а иногда и физическими силами.

Наконецъ, не можемъ не указать еще на одно печальное послѣдствіе забастовокъ и соединенныхъ съ ними беспорядковъ и нестроений. Ими унижается и срамится прежде столь дорогое и уважаемое званіе студента высшаго учебнаго заведенія; благодаря имъ оно утратило свой блескъ и привлекательность и стало ненавистнымъ для всѣхъ честныхъ и здраво мыслящихъ людей, для всѣхъ, кому

необходима возможность спокойно заниматься своимъ насущнымъ трудомъ,—кому дороги устои государственной, общественной и религіозно-нравственной жизни русскаго народа. Съ именемъ студента теперь у многихъ не безъ достаточныхъ основаній соединяется представленіе о чловѣкѣ, проникнутомъ духомъ революціи и анархизма, о бунтарѣ, возстающемъ противъ всякой власти, противъ законовъ и порядковъ общественной жизни, противъ всего, предъ чѣмъ благоговѣть и преклоняется православный русскій народъ. Въдѣ наши университеты давно уже слывутъ очагами и источниками всякихъ волненій и беспорядковъ и представляются чѣмъ-то вродѣ дѣйствующихъ сопокъ, періодически выбрасывающихъ изъ себя удушливые газы, лаву и шлаки, вредные и губительные для всего окружающаго, — чѣмъ-то вродѣ «притоновъ политическаго и нравственнаго разврата». Особенно простой русскій народъ въ послѣднее время враждебно настроенъ противъ студентовъ; онъ видитъ въ нихъ враговъ русскаго царя, православной церкви, виновниковъ политическихъ убійствъ, бунтовъ, волненій и нестроений всякаго рода. О проявленіяхъ народной ненависти и вражды противъ студентовъ мы имѣемъ не мало извѣстій. Напрасно наши либеральныя газеты, мечтающія о радикальномъ переворотѣ въ жизни нашего отечества и потому потворствующія студентскимъ забастовкамъ, волненіямъ и беспорядкамъ, враждебное отношеніе крестьянъ къ студентамъ стараются объяснить вліяніемъ на народъ статей нашихъ консервативныхъ газетъ (Моск. Вѣд., Гражданинъ, Нов. Врем. и т. п.); напрасно онѣ стараются распространить убѣжденіе, что въ крестьянахъ и мѣщанахъ, торговцахъ и лавочникахъ разжигается и искусственно возбуждается вражда къ интеллигенціи и студентамъ проповѣдями нашихъ архипастырей и пастырей, клеймящихъ позоромъ забастовки и безчинства нашей учащейся, сбитой съ толку молодежи, — религіозно-нравственными чтеніями для на-

рода въ Московскомъ епархіальномъ домѣ¹⁾; напрасно разные недобросовѣстные корреспонденты такихъ газетъ постоянно кричатъ и стараются всѣхъ увѣрить, что на студентовъ и интеллигенцію нападаетъ въ разныхъ мѣстахъ какая-то черная сотня, будто бы подговоренная и организованная полиціей и другими какими-то тайными агитаторами, враждебно настроенными противъ всѣхъ людей передовыхъ и просвѣщенныхъ. Нѣтъ, господа! Вспышки народной вражды противъ студентовъ замѣчаются въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ газетъ почти совсѣмъ не читаютъ, проповѣдей архіерейскихъ не слышатъ, полиціи не видятъ. Причины народнаго негодованія надобно искать въ поведеніи университетовъ съ ихъ профессорами и студентами. Вотъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, почти постоянно въ университетахъ бываютъ волненія и безпорядки, дошедшіе, наконецъ, до крайнихъ предѣловъ. Нашему простому народу чужды превратныя воззрѣнія нѣкоторыхъ газетъ на студентскія забастовки и волненія, какъ на нѣчто достойное поощренія, одобренія и похвалы. Онъ судить о нихъ здраво и смотритъ на нихъ какъ на дѣло противозаконное, какъ на мятежъ и

¹⁾ Въ газ. „Право“ № 7, стр. 534 сообщается: „Въ Русск. Вѣдомостяхъ напечатано письмо въ редакцію, въ которомъ обращается вниманіе на то обстоятельство, что существующій въ Москвѣ епархіальный домъ, предназначенный для духовно-просвѣтительной дѣятельности, въ послѣднее время принять необычайный характеръ. Въ церкви говорятся политическія речи на злободневную тему въ крайне реакціонномъ духѣ. Съ церковной кафедры бросаютъ въ лицо студентской молодежи и русскому интеллигентному обществу обвиненіе въ крамолѣ и измѣнѣ“. Характерно это письмо, замѣтишь ли ты отъ себя, и появленіе его въ Русск. Вѣдомостяхъ—органѣ, горячо защищающемъ свободу убѣжденій, слова и печати. Автору письма очень бы хотѣлось зажать ротъ тѣмъ проповѣдникамъ въ Еп. Домѣ, которые отзывются неодобрительно о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ студентовъ и интеллигенціи, и м. б. удастся ему достигнуть этой цѣли. Агитація въ этомъ направленіи уже началась (Русск. Лист. 22 февр.). Вотъ вамъ и свобода слова и убѣжденій!

бунтъ противъ власти и установленныхъ ею порядковъ, и виновниковъ такого противозаконнаго дѣянія считаетъ достойными усмиренія и наказанія и по своему старается обуздать мятежниковъ и помочь возстановленію нарушеннаго ими порядка. Нашъ простой народъ давно уже слышитъ о студентскихъ забастовкахъ и соединенныхъ съ ними безчинствахъ и безпорядкахъ и давно уже ждетъ, что начальство своею властью прекратитъ эти безпорядки, усмирить бунтующую молодежь, водворитъ миръ и тишину въ отечествѣ; но, видя, что ожиданія его не сбываются, что безпорядки продолжаются, виновники ихъ отбиваются отъ рукъ начальства, даже начинаютъ одолевать его, истребляя и избивая блюстителей закона и порядка, нашъ народъ начинаетъ думать, что настала пора ему самому приняться за усмиреніе бунтарей и придти на помощь правительству въ дѣлѣ водворенія порядка. Вотъ гдѣ лежитъ истинная причина неоднократныхъ вспышекъ народной вражды и ненависти противъ студентовъ и интеллигенціи; вотъ въ чемъ заключается самое естественное объясненіе того, что нашъ простой народъ подозрительно и враждебно смотритъ на студентовъ, и уже не разъ заносилъ на нихъ свой грубый и тяжелый булакъ. Не статьи Моск. Вѣдомостей, не проповѣди въ церквахъ, не подстрекательства полиціи виноваты въ томъ, что въ нашемъ долготерпѣливомъ народѣ пробудились кровожадные инстинкты; они вызваны самими виновниками убійствъ, скандаловъ, насилій, буйствъ, забастовокъ и др. безпорядковъ. Надъ ними исполняется правда народнои пословицы: «что посеялъ, то и пожнешь». Желаніе произвести государственный переворотъ въ нашемъ отечествѣ изъ всѣхъ силъ стремятся къ тому, чтобы расшатать и уронить значеніе существующей системы государственнаго управленія и вырвать власть изъ рукъ теперешняго правительства, при помощи террора, при помощи убійствъ людей вѣрныхъ и преданныхъ ему, при помощи возбужденія недовольства, броженія, волненій, забастовокъ



среди учащихся, рабочих, служащих всякого рода, вообще, при помощи всякой внутренней смуты и беспорядковъ, и, достигнувъ такими средствами вождѣлѣнной для нихъ цѣли, надѣются ввести въ нашѣмъ отечествѣ новую систему государственнаго управленія, поставить во главѣ государства новыхъ правителей по своему усмотрѣнію и вкусу. Но возставшіе противъ теперешняго правительства и дѣйствующіе противъ него убійствами и насиліемъ всякаго рода имѣютъ ли право и достаточное основаніе разсчитывать на то, что система государственнаго управленія, ими измышленная, и правители, ими поставленные, будутъ признаны законными безпрекословно и всѣмъ русскимъ народомъ, и во всѣхъ найдутъ полную готовность подчиняться имъ? Увлекаясь своими мечтами о приближеніи «весны», не забываютъ ли они о томъ, что среди многомилліоннаго русскаго народа можетъ оказаться громадное, подавляющее большинство людей, рѣшительно не сочувствующихъ имъ и отрицательно и враждебно относящихся къ проектируемому ими государственному перевороту? Захочетъ ли это большинство безпрекословно подчиниться волѣ и планамъ реформаторовъ? Не вступить ли оно въ борьбу съ ними и не употребитъ ли противъ нихъ тѣхъ же средствъ насилія, къ какимъ прибѣгаютъ они въ настоящее время для уничтоженія теперешней законной власти? Мы уже знаемъ, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи появились люди, враждебно настроенные противъ людей интеллигентныхъ, угрожающіе имъ погромомъ и наказаніемъ за ихъ сочувствіе конституціи и республикѣ. Въ появленіи такихъ непріятныхъ интеллигенціи людей многіе видятъ результатъ чьего то тайнаго подстрекательства противъ интеллигентовъ. Такъ ли это? Не есть ли это начало протеста неисчислимаго множества простыхъ людей противъ того новаго верховнаго правительства, о которомъ мечтаютъ многіе наши интеллигенты, и которое они насильственно хотятъ навязать всему русскому народу? Не есть ли это указаніе на то, что надъ привер-

женцами насильственнаго переворота въ нашѣмъ отечествѣ начинаютъ сбываться слова Спасителя: *всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ?* (Мѣ. 26, 52).

Къ величайшему сожалѣнію, забастовки и соединенные съ ними беспорядки и безчинства стали обычнымъ явленіемъ не только въ нашихъ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, семинаріяхъ и пр. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта умственная и нравственная зараза занесена сюда извнѣ, привита искусственно многими нашими подросткамъ, мальчикамъ отъ 15 до 17 лѣтъ, агитаторами противоправительственной пропаганды, давно уже проникшей въ наши среднія учебныя заведенія. Объ этомъ свидѣлствуетъ и такой officialный документъ, какъ циркуляръ министра Народнаго Просвѣщенія по печителямъ учебныхъ округовъ отъ 28 іюня 1903 года, гдѣ прямо говорится: «имѣются указанія, что среди учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ведется въ широкихъ размѣрахъ противоправительственная пропаганда, порождающая много жертвъ столько же безразсуднаго, сколько и преступнаго движенія». На это указываютъ и общіе характерные признаки, замѣчаемые почти во всѣхъ забастовкахъ среднихъ учебныхъ заведеній; почти всѣ онѣ возникаютъ и продѣлываются по одинаковому плану, по одинаковой программѣ: сначала бываютъ сходки, совѣщанія воспитанниковъ, на которыхъ назначаются день и часъ забастовки, вырабатываются будто бы «извѣстные требованія», затѣмъ, въ назначенное время программа забастовки приводится въ исполненіе: оставивъ свои учебныя заведенія, воспитанники шумною, постепенно увеличивающей толпой идутъ по улицамъ, иногда съ красными знаменами, пѣнѣмъ революціонныхъ пѣсенъ и пр. и пр. На это же указываетъ и одновременность забастовокъ: какъ только забастуютъ учебныя заведенія одного города, сейчасъ же, какъ будто по командѣ, устроятся забастовки учащихся и въ другихъ городахъ и по мотивамъ почти оди-

наковымъ. Наконецъ, на это указываетъ и самое содержаніе предъявляемыхъ забастовщиками требованій, которыя будто бы выработаны ими самими, на самомъ же дѣлѣ даны имъ въ готовомъ видѣ двигателями происходящей между ними смуты. Съ содержаніемъ этихъ требованій желающіе могутъ подробно ознакомиться чрезъ мартовскую книжку журнала «Образованіе» за нынѣшній годъ. Здѣсь, въ «Замѣткахъ публициста» перепечатана «петиція учащихся», выраженная *дѣтми* въ семнадцати пунктахъ. Авторъ «Замѣтокъ» съ величайшею похвалою отзывается объ этой *дѣтской* петиціи: «дѣти, говоритъ онъ, превосходно оцѣниваютъ положеніе вещей въ современной школѣ; въ своихъ требованіяхъ они сжато и систематически формулируютъ все то, о чемъ говорила до сихъ поръ рѣшительно вся печать, педагогическія общества, даже официальные отчеты». Но каждый пунктъ этой *дѣтской* петиціи съ непрерываемою убѣдительною доказываетъ, что она никакъ не можетъ быть признана произведеніемъ дѣтскихъ умовъ; напротивъ, все въ ней говоритъ о томъ, что она составлена людьми зрѣлыми, людьми съ твердо опредѣлившимися взглядами на систему образованія и воспитанія, и въ готовомъ видѣ распространена между гимназистами и реалистами. Въ этой *дѣтской* петиціи прежде всего предъявляется требованіе, чтобы «произведена была коренная реформа средней школы согласно желаніямъ общества и при непосредственномъ участіи его представителей» (п. 1), чтобы «школа находилась подъ постояннымъ и непосредственнымъ контролемъ общества чрезъ его представителей» (п. 2). Для осуществленія этихъ коренныхъ реформъ средней школы *дѣти требуютъ* («мы требуемъ») немедленнаго созыва совѣщанія родителей при каждомъ учебномъ заведеніи..., участія родителей въ педагогическихъ совѣтахъ учебныхъ заведеній съ правомъ рѣшающаго голоса, свободнаго и всесторонняго обсужденія школьнаго вопроса въ печати, («мы требуемъ») немедленной отмѣны всѣхъ циркуляровъ, запрещающихъ

касаться внутренней жизни учебныхъ занятій (заведеній?), немедленнаго уничтоженія обязательнаго преподаванія классическихъ языковъ и замѣны ихъ предметами общеобразовательными, допущенія реалистовъ въ университеты наравнѣ съ окончившими гимназію и т. д. Какъ видитъ читатель, въ этой *дѣтской* петиціи все—и содержаніе, и форма, и тонъ не позволяютъ и на минуту усомниться въ томъ, что такой петиціи не могли составить гимназисты и реалисты т. е. мальчики, никакъ не старше 18 лѣтъ. Она—произведеніе людей опытныхъ и зрѣлыхъ. Впрочемъ, авторъ «Замѣтокъ публициста» откровенно говоритъ, что «освободительное движеніе, захватившее весь слои общества, не могло не отразиться въ средней школѣ и было *перепрошено сюда изъ семьи*, что слѣд. забастовки среднихъ учебныхъ заведеній со всѣми ихъ безпорядками и безчинствами не были въ противорѣчіи съ желаніями и планами по крайней мѣрѣ многихъ взрослыхъ и зрѣлыхъ людей и м. б. производились подъ ихъ руководствомъ и что *дѣтскія* требованія, предъявляемые при забастовкахъ, составлялись не дѣтми, а ихъ родителями. По свидѣтельству автора «Замѣтокъ публициста», перепечатанная имъ петиція учащихся сначала печаталась тайно, какъ прокламація и распространялась во множествѣ экземпляровъ между воспитанниками среднихъ школъ.

Послѣ всего вышесказаннаго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что происшедшія забастовки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были плодомъ давнишней противоправительственной пропаганды, что воспитанники среднихъ школъ во всѣхъ этихъ смутахъ и волненіяхъ были не самостоятельными дѣателями, а жалкими актерами, исполнявшими навязанную имъ роль, ничтожными и слѣпыми марionетками, двигавшимися и кривлявшимися по волѣ управлявшей и распоряжавшей ими руки, жертвами ужаснаго нравственнаго и политическаго соблазна,—что они превращены въ слѣпые орудія для производства противоправительственныхъ демонстрацій, въ

средство доказать правительству, что въ нашемъ отечествѣ порядки и условія жизни повсюду такъ плохи, что это понимаютъ и противъ этого возстаютъ даже 10-лѣтніе мальчики.

Нужно имѣть немного здраваго смысла, чтобы понять, какъ смѣшна и унизительна для нашихъ дѣтей роль политическихъ дѣятелей и противоправительственныхъ демонстрантовъ, навязанная имъ агитаторами, и въ то же время какую нравственную порчу и растлѣніе вносятъ она въ чистыя и невинныя души мальчиковъ и подростковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не комично ли въ высшей степени, что подростки 18—17 лѣтъ вмѣстѣ съ мальчуганами отъ 14 лѣтъ и ниже, сбитые съ толку противоправительственной пропагандой, воображаютъ себя государственными дѣятелями, законодателями, благоустроителями государственной и общественной жизни,—дѣлаютъ сходки, устрояютъ совѣщанія, дѣлаютъ постановленія о прекращеніи учебныхъ занятій, вырабатываютъ «извѣстныя требованія», предъявляютъ ихъ къ исполненію, и, незамѣтно увлекаясь, переходятъ отъ смѣшныхъ выходокъ къ грубостямъ и дерзостямъ, отъ комическаго къ преступному—устраиваютъ шумную процессію по улицамъ съ красными флагами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсень,—врываються въ другія учебныя заведенія съ дерзкимъ требованіемъ прекратить учебныя занятія, бьютъ стекла, на приглашеніе полиціи разойтись отвѣчаютъ насмѣшками и свистомъ и пр.? Если смѣшны бываютъ въ роли государственныхъ реформаторовъ студенты высшихъ учебныхъ заведеній, то не тѣмъ ли смѣшнѣе воспитанники средней школы, желающіе играть роль преобразователей государственной и общественной жизни? Но смѣшная сторона мальчишескихъ забастовокъ быстро исчезаетъ въ нашемъ сознаніи при мысли объ ужасномъ вредѣ ихъ для умственнаго, а въ особенности для нравственнаго развитія юныхъ забастовщиковъ, и вмѣсто смѣха трепеть ужаса потрясаетъ нашу душу. Принимая участіе въ забастовкахъ невинные,

неопытные мальчики, почти дѣти, невольно вовлекаются въ водоворотъ борьбы политическихъ партій и страстей, въ атмосферу ненависти, вражды и злобы людской, и чрезъ то сразу лишаются спокойнаго, свѣтлаго, бодрого и радостнаго настроенія, свойственнаго чистой дѣтской душѣ и составляющаго драгоценное условіе для сосредоточеннаго и успѣшнаго занятія учебными дѣлами. Можно ли думать мальчикамъ объ учебныхъ занятіяхъ, объ исправномъ приготовленіи данныхъ уроковъ, о внимательномъ отношеніи къ данной для сочиненія темѣ, къ данной для рѣшенія задачѣ, когда задумана въ учебномъ заведеніи забастовка, между товарищами начались броженіе, волненіе, сходки, совѣщанія, на которыхъ существующая система гимназическаго курса провозглашается нигде негодной, нѣкоторые учебные предметы объявляются совершенно бесполезными и подлежащими устраненію и исключенію? Дѣти сразу выбиваются изъ колеи, теряютъ вѣру въ смыслъ и полезность своихъ учебныхъ занятій и утрачиваютъ охоту и усердіе къ труду. Но это только первая и не самая важная серія вредныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ забастовокъ для развитія дѣтей. Самое ужасное зло дѣтскихъ забастовокъ заключается въ ихъ растлѣвающимъ, гибельномъ дѣйствіи на дѣтей въ нравственномъ отношеніи. Что такое забастовка учебнаго заведенія? По внутреннему своему смыслу и значенію это есть не что иное, какъ самовольное, дерзкое возстаніе, бунтъ и мятежъ прежде всего противъ непосредственнаго начальства школы, а потомъ и противъ высшей власти, которая узаконила ту или другую систему воспитанія и обученія, установила тѣ или другіе порядки для извѣстнаго разряда школъ и для проведенія ихъ въ жизнь школы поставила въ ней начальниковъ и наставниковъ. Т. об. участіе дѣтей въ забастовкѣ есть участіе въ мятежѣ, въ возстаніи противъ начальства и высшей государственной власти и развиваетъ въ дѣтяхъ своеволие, распушенность, неповиновеніе начальству, непомиренное самолюбіе, пре-

небреженіе къ закону и законодательной власти. А привлеченіе дѣтей къ участию въ шумныхъ уличныхъ манифестаціяхъ, составляющихъ необходимую принадлежность школьныхъ забастовокъ, не развиваетъ ли въ дѣтяхъ склонности къ разрушенію, къ проявленіямъ буйства и выходокъ, свойственныхъ грубой толпѣ, не прививаетъ ли имъ инстинкты и ухватокъ распущенныхъ уличныхъ мальчишекъ? Уже одна мысль, появляющаяся въ головахъ забастовщиковъ, что они теперь получили возможность дѣйствовать вполне самостоятельно, независимо отъ начальства и даже протестовать не только противъ него, но и противъ верховной власти, способна опьянить возбужденныхъ дѣтей и подстрекнуть ихъ къ самымъ непозволительнымъ и дерзкимъ выходкамъ и грубостямъ. А ношеніе красныхъ флаговъ и знаменъ и пѣніе революціонныхъ пѣсенъ во время уличныхъ процессій толпы забастовщиковъ чему учить, къ чему располагаетъ и подстрекаетъ нашихъ школьниковъ, изъ которыхъ значительнѣйшее большинство едва переступило черезъ порогъ невиннаго дѣтства? Страшно сказать—къ мятежу, къ возстанію противъ царя, представителя верховной власти, Божія помазанника. Значитъ, подстрекающіе дѣтей къ школьнымъ забастовкамъ, привлекающіе ихъ къ участию въ противоправительственныхъ демонстраціяхъ и другихъ безчинствахъ, неразлучныхъ съ забастовками, вводятъ ихъ въ великій грѣхъ и страшный соблазнъ, толкаютъ ихъ на весьма опасный, кровавый путь, — путь, который приводитъ людей къ возстанію противъ верховной власти, къ политическимъ убійствамъ и цареубійствамъ. Во всякомъ случаѣ, вошедшія у насъ въ обычай и моду школьныя забастовки съ указанными выше, сопровождающими ихъ, преступными и безобразными явленіями служатъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ уничтоженію въ нашемъ подрастающемъ поколѣніи чувства благоговѣнія къ Верховной Власти, составлявшего доселѣ отличительное свойство русскаго народа.

Итакъ, съ какими ожиданіями и упованіями мы должны взирать на нынѣшнее молодое поколѣніе, вырастающее среди школьныхъ волненій и забастовокъ? Можемъ ли мы утѣшаться пріятною надеждою, что оно дастъ дорогой нашей родинѣ множество честныхъ, добросовѣстныхъ дѣятелей, готовыхъ для ея блага жертвовать всѣми своими силами и талантами, работниковъ, способныхъ оказать ей большія и цѣнныя услуги своею энергическою общественною дѣятельностью, которая, кромѣ умственныхъ силъ и талантовъ, требуетъ еще свободнаго подчиненія закону, добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, самоотверженнаго отреченія отъ своихъ эгоистическихъ желаній ради тѣхъ или другихъ высшихъ цѣлей, настойчиваго труда, терпѣливаго и мужественнаго перенесенія разнаго рода неудобствъ, скорбей и даже страданій для блага своего народа и отечества? Увы, мы имѣемъ очень мало основаній для такихъ радостныхъ надеждъ и пріятныхъ ожиданій. Въ самомъ дѣлѣ, не отлетятъ ли отъ насъ такія свѣтлыя надежды, какъ только мы приведемъ себя на память то, что теперешняя молодежь чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ стала дышать атмосферой пропитанной духомъ возстанія и мятежа противъ всяческой власти, что подъ вліяніемъ волненій и забастовокъ на подчиненіе закону и власти наша молодежь привыкла смотрѣть какъ на тяжелое рабство, на каждаго начальника, блюстителя закона и порядка, какъ на своего врага, на каждое его распоряженіе и требованіе, какъ на незаконное стѣсненіе свободы личности? Скорѣе надобно опасаться, что изъ среды нынѣшней молодежи на поприщѣ общественнаго служенія выступитъ много недоучекъ, а еще больше людей нравственно неустойчивыхъ, распатанныхъ, своевольныхъ, капризныхъ, готовыхъ выходить изъ себя и беречь при всякомъ неудобствѣ и незначительномъ стѣсненіи ихъ дѣйствій, — людей съ незначительными умственными и нравственными достоинствами, но съ громадными претензіями и самомнѣніемъ, — людей, которые, находясь

еще въ возрастѣ дѣтскаго неразумія и несмысленности, уже получили внушеніе, что они имѣютъ право требовать коренныхъ реформъ и говорить высшей власти: *мы требуемъ!*.. Отъ всей души желаемъ, чтобы наши мрачныя предчувствія оказались совершенно невѣрными; но осуществимость этого желанія представляется намъ мало вѣроятною при мысли о томъ, какъ мало укоренены въ нашемъ подрастающемъ поколѣніи тѣ нравственные начала, на которыхъ утверждается всякая общественная жизнь, — уваженіе и почтительность къ родителямъ и старшимъ, готовность повиноваться начальникамъ и властямъ отъ низшей до самой высшей, — и, напротивъ, какъ глубоко пропиталось оно духомъ своеволія и анархіи — началами, дѣйствующими разрушительно на жизнь общества и государства.

Всѣ указанныя нами прискорбныя явленія въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній получаютъ еще болѣе прискорбный и мрачный характеръ, если мы обратимъ вниманіе на то, въ какое отношеніе нерѣдко становились къ школьнымъ забастовкамъ и къ соединеннымъ съ ними безпорядкамъ и безчинствамъ родители забастовавшихъ школьниковъ, начальники учебныхъ заведеній и граждане городовъ, въ которыхъ устроены были забастовки. Для характеристики этихъ отношеній мы находимъ богатый матеріалъ въ извѣстіяхъ о забастовкахъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Саратовѣ и Курскѣ ¹⁾. Въ главныхъ существенныхъ чертахъ оба эти происшествія очень похожи другъ на друга. Эта одна и та же пьеса, только разыгранная разными исполнителями и на улицахъ двухъ разныхъ городовъ. Дѣйствующія лица какъ саратовской, такъ и курской забастовки исполняютъ свои роли почти совершенно одинаково и дѣйствуютъ по одной и той же ука-

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о первомъ изъ этихъ происшествій сообщены въ газетѣ *Право* № 4, стр. 277, а о второмъ въ *Рус. Вѣд.* № 47, стр. 3 и *Рус. Слово* № 50, стр. 3.

занной имъ программѣ. И развязка этой прискорбной трагикомедіи въ томъ и другомъ мѣстѣ сопровождается въ сущности одинаковыми печальными послѣдствіями для неразумныхъ ея исполнителей, хотя въ Курскѣ эти печальныя послѣдствія для нихъ приняли несравненно болѣе значительный размѣръ, чѣмъ въ Саратовѣ. Замѣчательно, что и отношенія родителей, начальства учебныхъ заведений и гражданъ этихъ городовъ къ забастовкамъ школьниковъ тутъ и тамъ носятъ на себѣ типическія черты сходства. Когда о забастовкѣ саратовскихъ школьниковъ, сопровождавшейся по обыкновенію безчинствами на улицахъ, дерзкимъ вторженіемъ въ другія учебныя заведенія съ требованіемъ прекратить здѣсь занятія и противодѣйствіемъ распоряженіямъ полиціи, — доведено было до свѣдѣнія гимназическаго начальства; тогда родителями учащихся въ саратовскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ внесено въ Думу такое ходатайство: «событія послѣднихъ дней въ Россіи вообще и въ Саратовѣ въ частности создали такую тяжелую общественную атмосферу, что не только взрослые, но и дѣти были совершенно выбиты изъ колеи и долго не могли вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Встревоженные возбужденнымъ состояніемъ дѣтей и преисполненные горячимъ желаніемъ ихъ успокоить, родители обратились къ педагогическимъ совѣтамъ съ просьбою приостановить на время занятія. Просьба эта была уважена. Совѣщанія администраціи учебныхъ заведеній съ родителями, живущими въ Саратовѣ и прибывшими изъ уѣздовъ, выяснили пѣлесообразность принятой мѣры, дѣти успокоились, почему на этихъ совѣщаніяхъ признано возможнымъ возобновить занятія. Тѣ же совѣщанія единогласно признали, что причины волненія дѣтей кроются *они* условій жизни мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Волненія эти явились результатомъ общихъ причинъ, коренящихся въ условіяхъ русской общественной жизни, ненормальность которыхъ признана съ высоты Престола, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ Высочайшій указъ отъ

12 декабря 1904 г.—Все эти обстоятельства приводят къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ (т. е. въ своевольной забастовкѣ и грубомъ поведеніи воспитанниковъ гимназій и др.) не можетъ быть вопроса о виновности отдѣльных лицъ (коноводовъ забастовки), такъ какъ то или другое отношеніе къ указаннымъ событіямъ зависитъ отъ степени впечатлительности и первности ребенка. Поэтому серьезное наказаніе отдѣльных лицъ явится глубокой несправедливостью и можетъ скоро нарушить спокойное теченіе школьной жизни. Въ виду вышеизложеннаго родители просятъ городскую Думу возбудить ходатайство предъ Министромъ Нар. Пр. о томъ, чтобы педагогическіе совѣты при обсужденіи поступковъ учениковъ не примѣняли къ нимъ высшей мѣры наказанія, а именно исключенія изъ заведенія, а равно и всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ повести къ лишенію для нихъ возможности дальнѣйшаго высшаго образованія» (*Право* № 4, 1905 г., стр. 277 и д.).

Изъ этого ходатайства, представляющагося намъ въ высшей степени знаменательнымъ документомъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, съ достаточною ясностью открывается, что и начальники среднихъ школъ въ Саратовѣ, и родители обучавшихся въ нихъ мальчиковъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ своемъ относились къ бывшей тамъ забастовкѣ съ достойнымъ всякаго осужденія сочувствіемъ и одобреніемъ. Это открывается съ одной стороны изъ того, что ни родители, ни начальники учебныхъ заведеній не употребили никакихъ мѣръ противодѣйствія затѣвавшейся воспитанниками забастовки и ни единымъ звукомъ не выразили своего осужденія ей, съ другой стороны изъ того, что тѣ и другіе, соединившись вмѣстѣ, какъ видно изъ вышеприведеннаго ходатайства, не постыдились прибѣгнуть ко всяческимъ софистическимъ ухищреніямъ какъ для отклоненія отъ себя возможныхъ обвиненій за допущеніе происшедшей забастовки, такъ и для оправданія непосредственныхъ и прямыхъ виновниковъ ея и для избавленія ихъ отъ заслуженнаго ими наказанія.

Мыслимо ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы забастовка гимназій и реальнаго училища вспыхнула вдругъ, безъ предварительной ея подготовки, безъ сходовъ и совѣщаній между учениками? Мыслимо ли также, чтобы слухъ объ этомъ броженіи въ учебныхъ заведеніяхъ не дошелъ до начальниковъ учебныхъ заведеній, до родителей многихъ воспитанниковъ, наконецъ до отцовъ города? Учащаяся молодежь еще не настолько сдержанна и скрытна, чтобы вполне могла сохранить тайну своихъ недобрыхъ замысловъ и затѣй. И однакожь ни начальники учебныхъ заведеній, ни родители воспитанниковъ не обнаружили ни малѣйшей тревоги при вѣсти объ ожидаемой забастовкѣ; никто изъ нихъ и пальцемъ не шевельнулъ, чтобы предотвратить это печальное явленіе.

Но когда разыграна была эта демонстративная трагикомедія и явилось опасеніе, что не только лица, принимавшія въ ней непосредственное и дѣятельное участіе, но и лица, благопріятствовавшія и потворствовавшія ей, могутъ подвергнуться значительной отвѣтственности и строгимъ наказаніямъ за самовольное прекращеніе занятій въ учебныхъ заведеніяхъ и за происшедшіе во время забастовки безпорядки и безчинства; тогда родители и начальники воспитанниковъ заволновались и вступили въ союзъ между собою, чтобы общими силами отвратить угрожающую имъ опасность, и съ этою цѣлю устроили «совѣщанія администраціи учебныхъ заведеній со многими родителями воспитанниковъ». Здѣсь, безъ сомнѣнія, произошелъ обмѣнъ мыслей по вопросу о причинахъ бывшей забастовки и о степени виновности учениковъ, принимавшихъ въ ней участіе и при этомъ между родителями и начальниками учебныхъ заведеній обнаружилось замѣчательное единомысліе и сходство во взглядахъ, что и выразилось въ приведенномъ выше ходатайствѣ родителей. Въ немъ все направлено къ тому, чтобы доказать, что въ забастовкѣ нисколько не виноваты ни воспитанники, ни ихъ родители и воспитатели, что она есть не произведеніе

свободной воли тѣхъ или другихъ людей, а неизбежный результатъ вѣншихъ неблагопріятныхъ условій общественной жизни нашего отечества. По мнѣнію авторовъ указаннаго ходатайства, саратовская забастовка и обнаруженная при этомъ воспитанниками своеволие, грубость и дерзость не были проявленіемъ злой и испорченной воли воспитанниковъ, а составляли неизбежное слѣдствіе «тяжелой общественной атмосферы, образовавшейся вслѣдствіе событій послѣднихъ дней въ Россіи, событій, выбившихъ изъ колен не только взрослыхъ, но и дѣтей». Можно ли послѣ этого порицать, осуждать, а тѣмъ болѣе подвергать какому бы то ни было наказанію учениковъ, самовольно прекратившихъ учебныя занятія и произведшихъ безпорядки и безчинства и въ учебныхъ заведеніяхъ и на улицахъ города? Вѣдь они событіями послѣднихъ дней были выбиты изъ колен и не могли заниматься своимъ дѣломъ, — подъ давленіемъ тяжелой общественной атмосферы они утратили разумъ и свободу и уподобились дикимъ звѣрямъ, которые, вырвавшись на волю, нападаютъ на людей, врываются въ ихъ жилища! Точно также и родителямъ и начальникамъ учебныхъ заведеній нельзя ставить въ вину того, что они не успокоили волненія своихъ дѣтей и воспитанниковъ, принимавшаго опасный характеръ, и не употребили никакихъ мѣръ къ устраненію возможности забастовки съ ея печальными послѣдствіями: вѣдь и взрослые подобно дѣтямъ событіями послѣднихъ дней въ Россіи были выбиты изъ колен и подъ давленіемъ «тяжелой общественной атмосферы» потеряли голову и не могли противодействовать мальчишеской преступной затѣѣ. Что же касается внутреннего строя, быта и направленія саратовскихъ учебныхъ заведеній; то здѣсь все обстояло вполне благополучно, не существовало здѣсь ни вольнаго направленія мыслей, ни распушенности учениковъ, ни другихъ какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, могшихъ волновать и располагать учениковъ къ безпорядкамъ. Всякое сомнѣніе относительно этого пункта

рѣшительно устранено «совѣщаніями администраціи учебныхъ заведеній съ родителями воспитанниковъ»: здѣсь выяснено и единогласно признано, что въ условіяхъ жизни мѣстныхъ учебныхъ заведеній не было причинъ и поводовъ къ волненіямъ и безпорядкамъ среди учащейся молодежи, что причины эти «кроются *въ* условіяхъ жизни мѣстныхъ учебныхъ заведеній», что волненія учащихся были «результатомъ общихъ причинъ, коренящихся въ условіяхъ русской общественной жизни, ненормальность которыхъ признана съ высоты Престола». Само собою понятно, что послѣ такого компетентнаго изслѣдованія и авторитетнаго рѣшенія этого вопроса уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что ни къ родителямъ воспитанниковъ, ни къ начальникамъ саратовскихъ учебныхъ заведеній нельзя предъявить никакого обвиненія по поводу происшедшей въ Саратовѣ забастовки, что ни тѣ, ни другіе не подлежатъ ни малѣйшей отвѣтственности за тѣ безпорядки и безчинства, которые произошли во время забастовки. Такимъ образомъ изъ представленнаго родителями въ Думу ходатайства вытекаетъ, что въ забастовкѣ саратовскихъ учебныхъ заведеній нисколько не виноваты ни школьники, ни родители ихъ, ни начальники саратовскихъ школъ, а виноваты въ ней *исключительно* «событія послѣднихъ дней въ Россіи», созданная ими «тяжелая общественная атмосфера» и «ненормальность условій русской общественной жизни, признанная съ высоты Престола», или, паче говоря, виновато во всемъ русское правительство и поддерживаемая имъ система государственнаго управленія, о чемъ де засвидѣтельствовало и само оно въ своемъ указѣ отъ 12 декабря 1904-года. — Послѣдній выводъ изъ разсматриваемаго нами ходатайства тотъ, что воспитанники саратовскихъ учебныхъ заведеній, какъ существа, «выбитыя изъ коленъ событіями послѣднихъ дней въ Россіи», дѣйствовавшія непроизвольно подъ непреодолимымъ давленіемъ на нихъ «тяжелой общественной атмосферы», не должны подлежать никакому на-

казанію за устроенную ими забастовку и сопровождавшіе ее беспорядки и безчинства. «Всѣ эти обстоятельства, говорится въ ходатайствѣ, приводятъ къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ (забастовкѣ) не можетъ быть вопроса о виновности отдѣльных лицъ... Поэтому серьезное наказаніе отдѣльных лицъ явится глубокой несправедливостью... «Въ виду вышеизложеннаго родители просятъ городскую Думу возбудить ходатайство предъ министромъ Нар. Просв. о томъ, чтобы педагогическіе совѣты при обсужденіи поступковъ учениковъ не примѣняли къ нимъ высшей мѣры наказанія, а именно исключенія изъ заведенія, а равно и всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ повести къ лишенію для нихъ возможности дальнѣйшаго высшаго образованія».

Возмутительны и достойны всякаго осужденія всѣ эти разсужденія, соображенія и выводы саратовскихъ гражданъ, исполненные фарисейскаго лицемерія и лукавыхъ софистическихъ ухищреній, направленныхъ къ тому, чтобы облить и оправдать преступное и дерзкое поведеніе распущенной молодежи, — небрежное и халатное, а скорѣе всего сочувственное отношеніе начальства и родителей учениковъ къ подготовлявшейся забастовкѣ, которая ими и допущена была сознательно и намѣренно, какъ демонстрація «противъ ненормальности условий русской общественной жизни». Ужели родители саратовскихъ гимназистовъ и реалистовъ, — авторы поданнаго въ саратовскую Думу ходатайства, — не разумѣютъ, что становясь на ихъ точку зрѣнія можно оправдать всякое самое ужасное, самое гнусное и звѣрское преступленіе? Съ ихъ точки зрѣнія долженъ быть оправданъ всякій убійца, воръ, разбойникъ, истязатель дѣтей, поджигатель и пр. Вѣдь и каждый изъ нихъ можетъ сказать въ свое оправданіе, что событія послѣднихъ дней въ Россіи выбили его изъ колеи и создали такую тяжелую общественную атмосферу, что подъ давленіемъ ея онъ утратилъ ясность разума и силу воли и не могъ удержаться отъ совершеннаго имъ преступленія. Ужели авторы упомянутаго ходатайства не

видятъ, что ихъ софистическими ухищреніями могутъ воспользоваться для своего оправданія всякіе босыя, золоторотцы и вообще всякіе темные люди, производящіе теперь повсюду погромы, грабежи, убійства, поджоги и другія преступления? Вѣдь и они и всѣ подобные имъ люди могутъ сказать, что событія послѣднихъ дней выбили ихъ изъ колеи и своимъ давленіемъ на нихъ толкнули ихъ къ совершенію ужасныхъ преступленій. Стоя на вышеупомянутой точкѣ зрѣнія, можно ли подвергать порицанію, негодованію, осужденію и привлекать къ отвѣтственности людей, принадлежащихъ къ такъ наз. *черной сотнѣ*, которая производитъ нападеніе на студентовъ и интеллигенцію, — можно ли возбуждать судебное преслѣдованіе противъ полицейскихъ чиновниковъ, позволяющихъ себѣ самоуправство, превышеніе данной имъ власти, грубое и жестокое обращеніе со студентами и гимназистами, участвующими въ забастовкахъ и производящими безчинства и беспорядки на улицахъ? И люди черной сотни и полицейскіе чиновники, противъ которыхъ теперь повсюду раздаются вопли негодованія, могутъ сказать въ свое оправданіе, что и они выбиты изъ колеи послѣдними событиями и не могутъ подлежать отвѣтственности за свои поступки. Ужели родители саратовскихъ забастовщиковъ не разумѣютъ, что ихъ софизмами, направленными къ оправданію безпутнаго поведенія своевольныхъ мальчишекъ, уничтожается различіе между добромъ и зломъ, отрицается нравственная свобода человека, вслѣдствіе чего послѣдній превращается въ игрушку окружающихъ его обстоятельствъ и совершающихся около него событий?

Но допустимъ, что событіями послѣднихъ дней дѣйствительно были выбиты изъ колеи и нервно разстроены нѣкоторые чересчуръ впечатлительныя и чувствительныя дѣти, такъ что не могли заниматься своими учебными дѣлами; но это, безъ сомнѣнія, были далеко не всѣ воспитанники; между ними было не мало и такихъ, которые сохранили въ себѣ достаточно спокойствія и силъ про-

должать свои школьныя занятія. Слѣдовательно нервное разстройство нѣкоторыхъ не могло служить достаточнымъ основаніемъ къ массовымъ забастовкамъ, къ забастовкамъ цѣлыми учебными заведеніями, а тѣмъ болѣе къ демонстративнымъ процессіямъ по улицамъ съ неизбежными при этомъ безпорядками и безчинствами. Что препятствовало начальству учебныхъ заведеній — воспитанниковъ, дѣйствительно больныхъ и нервно-разстроенныхъ до невозможности заниматься своимъ дѣломъ, освободить отъ занятій, посовѣтовать имъ для успокоенія нервовъ обратиться къ врачебной помощи и даже на время совсѣмъ удалить изъ заведенія? Съ другой стороны что мѣшало учительскому персоналу продолжать свои занятія съ тѣми воспитанниками, которые остались здоровыми и способными къ дѣлу? Но это было бы не согласно съ видами тѣхъ, которымъ желательна была забастовка учебныхъ заведеній; имъ необходимо было вовлечь въ это преступное дѣло и тѣхъ воспитанниковъ, которые не были нервно-разстроены и чувствовали себя способными продолжать занятія; имъ желательно было привлечь на свою сторону большинство и большинствомъ *принудить* къ подчиненію своимъ видамъ и остальныхъ воспитанниковъ. Известно, какъ плохо приходится въ учебныхъ заведеніяхъ тѣмъ воспитанникамъ, которые не захотѣли бы присоединиться къ шайкѣ забастовщиковъ, — которые, будучи нервно-здоровыми и способными заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, не захотѣли бы объявить себя больными и неспособными къ дѣлу! Противъ нихъ грозо возстали бы всѣ приверженцы стачки, противъ нихъ было бы школьное общественное мнѣніе, противъ нихъ были бы употреблены угрозы и можетъ быть насиліе! И мѣры принужденія и насилія забастовщиками примѣняются не только къ своимъ ближайшимъ товарищамъ, воспитанникамъ одного съ ними заведенія, но и къ воспитанникамъ другихъ заведеній (факты изъ исторіи саратовской и курской забастовки). Все это съ достаточною ясностью говоритъ о томъ, что

забастовки нашихъ учебныхъ заведеній возникаютъ не вслѣдствіе нервнаго разстройства воспитанниковъ, а отъ другихъ внѣшнихъ вліяній... Впрочемъ намъ думается, что, по крайней мѣрѣ, многіе изъ участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ администраціи саратовскихъ учебныхъ заведеній съ родителями и подписавшихъ упомянутое выше ходатайство хорошо понимали все это, но позволили *сердцу своему уклониться къ словамъ лукавымъ для извиненія дѣлъ грѣховныхъ вѣрять съ людьми, дѣлающими беззаконіе* (Псал. 140, 4).

И къ забастовкѣ, бывшей 12 февраля въ Курскѣ и окончившейся столь плачевно, родители, воспитатели учениковъ и начальники учебныхъ заведеній обнаружили почти такое же отношеніе, какъ и въ Саратовѣ, т.-е. не употребили никакихъ мѣръ противодѣйствія подготавливавшейся забастовкѣ всѣхъ учебныхъ заведеній и потомъ, когда забастовка эта была устроена и привела къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, — подобно Пилату стали умыть свои руки, старались устранить отъ себя всякую отвѣтственность за совершившееся благодаря ихъ небрежности и попустительству столь печальное происшествіе и старались всячески доказать, что курская забастовка имѣла столь печальный и плачевный конецъ *исключительно* по винѣ курской полиціи.

Изъ корреспонденціи *Русскихъ Вѣдомостей* видно, что въ городѣ многими за нѣсколько дней до 12 февраля было извѣстно о готовящейся забастовкѣ учащихся, а наканунѣ — 11 февраля всѣ знали, что забастовка подготовлена и рѣшена: «вчера, 11 февраля, сообщается въ корреспонденціи Р. В., всѣ учащіеся рѣшили забастовать, *выработавъ извѣстные требованія*». И однакожъ ни со стороны начальниковъ учебныхъ заведеній, ни со стороны гражданъ города, ни со стороны родителей учениковъ, затѣвавшихъ не доброе, не свойственное ихъ возрасту дѣло, не было употреблено никакихъ серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ успокоенію волнующейся молодежи, къ

устраненію возможности открытой забастовки съ неизбежными при этомъ безпорядками. Отъ чего бы именно въ тревожные дни, предшествовавшіе забастовкѣ, гражданамъ города не созвать экстреннаго собранія Думы и если нужно, то и собранія общественнаго клуба, не пригласить сюда начальниковъ учебныхъ заведеній и родителей воспитанниковъ для обсужденія рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію волненій молодежи и къ противодѣйствию затѣвавшейся забастовкѣ? Отъ чего бы здѣсь не сдѣлать обязательнаго постановленія, чтобы родители не отпускали изъ дому своихъ, особенно малолѣтнихъ, дѣтей въ учебныя заведенія въ день рѣшенной забастовки ¹⁾? Отъ чего бы имъ, въ крайнемъ случаѣ, не прибѣгнуть къ рѣшенію—ходатайствовать предъ начальствомъ о прекращеніи на время учебныхъ занятій въ школахъ и проч.? Тогда учебныя заведенія и улицы г. Курска не видѣли бы тѣхъ грубыхъ и дерзкихъ выходокъ со стороны шумной толпы разбушевавшихся мальчиковъ и тѣхъ горестныхъ и плачевныхъ сценъ, разыгравшихся во время борьбы, происшедшей между полиціей и забастовщиками. Тогда бы не пришлось гласнымъ Думы, членамъ клуба и родителямъ учащихся испытывать тѣхъ душевныхъ вол-

¹⁾ Послѣ курской забастовки губернаторомъ опубликовано слѣдующее распоряженіе: „Въ виду прекращенія занятій въ некоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Курска и возникшихъ уличныхъ безпорядковъ, курскій губернаторъ признаетъ необходимымъ предупредить населеніе, что никакія сборища и демонстраціи не будутъ допускаться и къ устраненію всякихъ массовыхъ безпорядковъ будутъ приняты рѣшительныя мѣры, предписанныя закономъ. Объявляя о семъ, курскій губернаторъ обращается къ публикѣ съ просьбою избѣгать всякаго участія въ уличныхъ сборищахъ и родственникамъ учащихся проситъ удерживать послѣднихъ своимъ вліяніемъ отъ хожденія по улицамъ города безъ особой необходимости“ (Право № 7, 534 стр.). Если бы подобное распоряженіе сдѣлано было губернаторомъ за день или за два до подготовлявшейся забастовки, то не всей вѣроятности 12 февраля не было бы того прискорбнаго происшествія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

неній и страданій, какія, по словамъ корреспондента Р. В., испытали они послѣ т. н. курскаго избіенія; тогда не пришлось бы дѣлать имъ запоздалыхъ, а потому мало полезныхъ резолюцій о подачѣ министру внутр. дѣлъ жалобы на дѣйствія полиціи, не устраняющихъ прискорбнаго курскаго происшествія протестовъ и воззваній,—не пришлось бы родителямъ истерически рыдать о своихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, принявшихъ участіе въ забастовкѣ и получившихъ значительные побои отъ полицейскихъ, мясниковъ и лавочниковъ. Почему же граждане города, начальники учебныхъ заведеній и родители учащихся въ нихъ, зная о готовящейся забастовкѣ, пребывали въ равнодушномъ спокойствіи и не считали нужнымъ оказать противодѣйствіе ей? Подъ такимъ равнодушіемъ не скрывалось ли сочувственное отношеніе къ готовившейся забастовкѣ, какъ выраженію протеста противъ событій послѣднихъ дней въ Россіи? Къ величайшему прискорбію, у насъ на Руси существуетъ не мало родителей и воспитателей юншества, которые на забастовки учащейся молодежи смотрятъ какъ на вполне законный, протестъ противъ существующей системы государственнаго управленія, какъ на дѣло, достойное всякаго одобренія и поощренія. Саратовскіе отцы города, начальники учебныхъ заведеній и родители школьниковъ, повидимому, принадлежатъ къ разряду такихъ именно людей; о курскихъ не рѣшаемся утверждать этого, не имѣя къ тому достаточныхъ основаній. О нихъ скорѣе и съ большимъ правомъ можно утверждать, что ихъ равнодушное отношеніе къ подготовлявшейся забастовкѣ учениковъ вытекало изъ *наивнаго изъ убѣжденія*, что забастовка учащихся есть совершенно невинное и безопасное занятіе, и движеніе толпы забастовщиковъ по улицамъ города можетъ совершаться вполне мирно, безъ всякихъ неприятныхъ осложненій и безпорядковъ. Такъ можно думать, по крайней мѣрѣ, на основаніи словъ одного курскаго обывателя, свидѣтеля курской забастовки: <12 февраля, рассказываетъ онъ корреспонденту,

первою забастовала классическая гимназія, и ученики толпою, но *вполнѣ мирно* направились по московской улицѣ... По тону дальнѣйшаго разсказа этого свидѣтеля выходило такъ, что если бы забастовщики не встрѣтили нѣкоторыхъ препятствій для своихъ плановъ со стороны начальства нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, а особенно со стороны полиціи; то на улицахъ Курска не произошло бы никакихъ беспорядковъ, и забастовка кончилась бы совершенно мирно и благополучно, безъ всякихъ печальныхъ осложненій. Но такая *наивность* взгляда на сущность и значеніе ученическихъ забастовокъ въ людяхъ мало-мальски развитыхъ и зрѣлыхъ непростительна и не освобождаетъ ихъ отъ ответственности за крайне печальныя послѣдствія забастовки. Уже сама по себѣ, по своей сущности ученическая забастовка, какъ мы уже замѣтили выше, есть дѣйствіе преступное и возмутительное, если бы даже произошла она совершенно мирно и кончилась вполнѣ благополучно. Въдѣ это есть бунтъ, возстаніе противъ законной власти, установившей извѣстный строй жизни и занятій въ школахъ,—нарушеніе общественнаго спокойствія, обнаруженіе со стороны недозрѣлыхъ юношей и мальчиковъ самоволія и дерзости, преступнаго и ни на чемъ не основаннаго притязанія на неограниченный произволъ дѣйствій. Но забастовки, какъ движенія взволнованной и наэлектризованной духомъ сопротивленія толпы, почти никогда не кончаются вполнѣ мирно и благополучно. Трудно представить, чтобы большая толпа молодежи взволнованная, какъ бы заряженная и опьяненная духомъ сопротивленія и протеста, могла идти по улицамъ *вполнѣ мирно*, благоприлично, безъ проявленія дерзостей и грубостей въ отношеніи къ людямъ, не принадлежащимъ къ этой толпѣ и не сочувствующимъ ей: дерзкія и грубыя выходки всякаго рода, повидимому, составляютъ необходимую принадлежность всякой демонстраціи. Такъ дѣйствительно и было при забастовкѣ и саратовскихъ и курскихъ учебныхъ заведеній. И тутъ, и тамъ толпа учениковъ

шумно идетъ по улицамъ города, насильственно врывается въ учебныя заведенія, грубо и дерзко требуетъ, чтобы воспитанники и этихъ школъ прекратили занятія и приняли участіе въ начавшейся забастовочной процессіи,—встрѣчаясь съ полицейскими, оказываетъ сопротивленіе ихъ распоряженіямъ и требованіямъ разойтись. Въ Саратовѣ ученическая забастовка кончилась сравнительно благополучно, и столкновеніе толпы забастовщиковъ съ полицейскими не имѣло особенно печальныхъ послѣдствій для своевольныхъ мальчиковъ,—хотя нѣкоторые изъ нихъ и получали удары нагайкой... Въ Курскѣ забастовочное дѣло приняло очень широкіе размѣры и сопровождалось очень печальными послѣдствіями для неразумныхъ забастовщиковъ. Мы не будемъ передавать подробностей этого прискорбнѣйшаго событія. ~~Не~~желающие знать ихъ пусть прочтутъ корреспонденцію *Русскихъ Вѣдомостей* подъ заглавіемъ: «Курское избиеніе» (№ 47).

Но отсылая читателей за подробностями этого происшествія къ указанной выше корреспонденціи, мы считаемъ себя обязанными сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно характера этой корреспонденціи. Въ ней есть нѣчто такое, что не располагаетъ читателя относиться къ словамъ автора съ полнымъ довѣріемъ. Прежде всего мы не должны забывать, что авторъ этой раздирающей душу корреспонденціи не былъ очевидцемъ ученической забастовки съ начала и до конца ея, онъ не видалъ ни начала ея, ни послѣдующихъ весьма важныхъ моментовъ ея, а былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ только «послѣдняго акта этой драмы». Все, что говоритъ онъ о началѣ и послѣдующихъ моментахъ забастовки, о движеніи забастовочной процессіи по улицамъ города, мимо учебныхъ заведеній,—о томъ, какъ вели себя гимназисты во время процессіи, какъ держали они себя по отношенію къ полиціи и послѣдняя по отношенію къ нимъ, чѣмъ было вызвано первое враждебное столкновеніе между забастовщиками и полицейскими,—все это и многое другое корреспондентъ опи-

сывается со словъ «перваго попавшагося ему знакомаго», безъ провѣрки этого разсказа показаніями другихъ свидѣтелей. Кто знаетъ, какъ при необычныхъ происшествіяхъ, собирающихъ большую пеструю толпу народа и волнующихъ ее, быстро возникаютъ и распространяются преувеличенные и даже совершенно невѣрные слухи, искажающіе дѣйствительность, тотъ имѣетъ достаточное основаніе предположить, что корреспондентъ *Р. В.* могъ невольно впасть въ ошибку, изобразить это печальное происшествіе не точно и односторонне именно потому, что довѣрился разсказу «перваго попавшагося ему знакомаго». Да и то, что онъ описываетъ какъ очевидецъ, не отличается характеромъ точности и основательности и не внушить намъ довѣрія къ его словамъ. Въ его описаніи «послѣдняго акта этой печальной драмы» мы встречаемся съ непровѣренными предположеніями и схваченными на лету слухами, преувеличеніями, бьющими на эффектъ фразами. Такъ авторъ утверждаетъ, что мясники, красноярцы, мелкіе торговцы, нападавшіе на произведшихъ безпорядки школьничковъ, были напередъ организованы и подготовлены полиціей къ тому, чтобъ «избивать» воспитанниковъ, и утверждаетъ это только на томъ единственномъ основаніи, что это ему показалось несомнѣннымъ и очевиднымъ, — что вообще враждебное настроеніе низшихъ слоевъ городскихъ обывателей противъ распущенныхъ и производящихъ безпорядки школьничковъ и противъ потакающихъ и потворствующихъ имъ интеллигентовъ есть результатъ будто бы возбужденія со стороны полиціи и что наконецъ будто бы толпой смертельно избиты землемѣръ и студентъ и что послѣдній уже умеръ (?). Кромѣ этого, рассматриваемая корреспонденція, при вдумчивомъ чтеніи ея, невольно возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе относительно безпристрастія ея автора къ лицамъ, прикосновеннымъ къ этому происшествію. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой корреспонденціи невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ ней нѣтъ ни единого

слова въ порицаніе и осужденіе поведенія учениковъ, устроившихъ забастовку и произведшихъ смятеніе и безпорядки на городскихъ улицахъ, и напротивъ вся сила порицанія, осужденія и гнѣва направлена противъ полиціи. Все, говорящее не въ пользу забастовщиковъ, все, компрометирующее ихъ поведеніе, въ корреспонденціи отчасти смягчено, затушевано, отчасти замолчано; напротивъ, всѣ дѣйствія и распоряженія полицейскихъ чиновъ представлены въ самомъ непривлекательномъ и даже ужасномъ видѣ. Такъ движеніе толпы забастовщиковъ по улицамъ въ корреспонденціи изображается *только мирнымъ*, а между тѣмъ эта толпа ломилась въ ворота женской гимназіи, реальнаго училища, выбила здѣсь нѣсколько стеколъ въ окнахъ и такимъ способомъ передала реалистамъ очевидно заранѣе приготовленную зловонную жидкость, чтобъ насильственно прекратить занятія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, — на увѣщанія мѣстной полиціи — разойтись отвѣчала криками и свистками и въ средѣ этой «мирной» толпы молодежи оказались люди, вооруженные кистенемъ, финскимъ ножомъ и кинжаломъ и употребившіе ихъ въ дѣло противъ полиціи. Ужели всѣ эти дѣйствія разбушевавшейся толпы мальчиговъ не заслуживаютъ ни малѣйшаго порицанія и осужденія? Ужели ими не возмущено чувство корреспондента? Совсѣмъ иначе относится корреспондентъ къ полиціи: для изображенія ея дѣйствій во время забастовки онъ не жалѣетъ мрачныхъ красокъ. Въ корреспонденціи полицейскіе чиновники представлены дѣйствующими противъ забастовавшихъ воспитанничковъ съ предательскою и злобною жестокостью: будто не дѣлая никакихъ распоряженій къ прекращенію безпорядковъ, произведенныхъ толпой школьничковъ, полицейскіе идутъ молча, слѣдятъ за ними, какъ за дичью, и, выждавъ удобный моментъ для нападенія, вдругъ, исподтишка набрасываются на этихъ скромныхъ и тихихъ мальчиговъ и начинаютъ производить ужасное избиеніе этихъ невинныхъ младенцевъ и будто совершаютъ это преступное дѣло и

сами непосредственно и при посредствѣ подговоренной и организованной ими для этого толпы мясниковъ, лавочниковъ, краснорядцевъ и пр. Но въ дѣйствительности отношеніе полиціи къ забастовавшей молодежи было далеко не такимъ, какимъ оно представлено въ корреспонденціи. Мѣстная полиція обращалась къ забастовщикамъ съ увѣщаніями разойтись и прекратить беспорядки; но они, подстрекаемые интеллигентной публикой, критиковавшей дѣйствія и распоряженія полиціи, отвѣчали криками и свистками. Она приняла мѣры къ очищенію улицы предъ зданіемъ женской гимназіи; но встрѣтила вооруженное сопротивление со стороны забастовавшей молодежи ¹⁾. Что же касается озлобленія мелкихъ торговцевъ, лавочниковъ и краснорядцевъ противъ забастовавшихъ учениковъ, то оно вызвано не подстрекательствомъ полиціи, а буйнымъ поведеніемъ забастовщиковъ, позволившихъ себѣ разбить стекла въ нѣкоторыхъ магазинахъ, и насмѣшками надъ распоряженіями полиціи ²⁾. Все это краснорѣчиво говоритъ

¹⁾ Русск. Слово № 50, 1905 г., стр. 3.

²⁾ Въ Перми 15 мая сего года „толпа до 100 человекъ, преимущественно учащихся и учащихся, произвела дважды уличную демонстрацію политическаго характера. Демонстранты стрѣляли изъ револьвера, бросали камни, били окна, ранены тремя пулями городской“... (Русск. Слово, № 130, стр. 2). Очевидно, демонстраціи учащихся постепенно развиваются и принимаютъ все болѣе откровенный и дерзкій характеръ; сначала учащиеся дѣйствовали на улицахъ одни, въ видѣ застрѣльщиковъ; теперь выступаютъ на сцену и ихъ руководители—учащие и, открыто соединившись съ первыми, производятъ на улицахъ вопіющее беспорядки, безчинства и буйства. Удивительно ли, что мирные жители озлобляются противъ такихъ буйныхъ нарушителей общественного порядка и спокойствія, наносящихъ значительный ущербъ имуществу мирныхъ жителей? Здѣсь кстати приведемъ недавній фактъ въ подтвержденіе нашихъ мыслей о крайне вредныхъ послѣдствіяхъ забастовокъ для нашей учащейся молодежи. „Нежеланіе рижскихъ студентовъ мѣстнаго Политехническаго Института учиться лишило ихъ возможности получить практику на лѣтніе мѣсяцы. На 140 запросовъ, сдѣланныхъ дирекціей мѣстнаго

намъ о томъ, съ какою осторожностью надобно относиться къ газетнымъ корреспонденціямъ, часто не точнымъ, не провереннымъ, а иногда и тенденціознымъ. Авторы ихъ мало думаютъ, да и не имѣютъ времени думать о соблюденіи правды и безпристрастія; ихъ главная забота состоитъ въ томъ, чтобы поскорѣе сообщить своей газетѣ животрепещущее сенсационное извѣстіе и произвести имъ, если нужно, какъ можно болѣе шумъ и переполохъ.

«О, скажутъ, это—рѣчи ретрограда, защитника нашей ненавистой всѣмъ полиціи! Можно ли слушать ихъ?!»...

Политехническаго Института, 78 запросовъ оставлено безъ отвѣта, а 30 заводовъ и желѣзнодорожныхъ управленій отвѣтили отказомъ и частью въ весьма рѣшительномъ тонѣ. Характеренъ по своей мотивировкѣ слѣдующій отвѣтъ: „Циркулярно. На письмо вашего Превосходительства отъ 17 декабря 1904 г., за № 4263, управленіе Бранскаго завода симъ имѣетъ честь сообщить, что оно въ текущемъ году не будетъ принимать на практику студентовъ высшихъ техническихъ заведеній, какъ это дѣлало до сихъ поръ постоянно. Основаніемъ для этого рѣшенія послужило, во-первыхъ, опасеніе о нежелательномъ влияніи молодыхъ увлекающихся людей, привыкшихъ въ массѣ заниматься политическими вопросами, на рабочихъ, среди которыхъ и теперь замѣчается сильное броженіе не столько эконоическаго, сколько политическаго характера, и во-вторыхъ сознаніе бесполезности практики для людей, не имѣющихъ достаточной подготовки, получить которую было невозможно вслѣдствіе постоянныхъ забастовокъ, и отвыкшихъ, кромѣ того, по той же причинѣ отъ правильной систематической работы.—Сообщая вашему превосходительству о настоящемъ рѣшеніи, управленіе завода имѣетъ честь обратить вниманіе вашего превосходительства, что заводъ постоянно давалъ работу массѣ русскихъ инженеровъ, но въ послѣднее время, вслѣдствіе нарушенія правильнаго хода занятій въ русскихъ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, вынужденъ обращаться къ иностраннымъ инженерамъ, въ виду недостаточной технической подготовки, замѣченной въ русскихъ инженерахъ“. (Моск. Вид. 1905, № 106, 19 апр. стр. 2). Фактъ этотъ опубликованъ въ печати уже послѣ того, какъ начало нашей статьи было напечатано и потому онъ не могъ быть указанъ нами тамъ, гдѣ ему слѣдовало находиться по требованію логической связи нашихъ мыслей и приводится здѣсь нами въ видѣ приложенія и дополненія къ началу нашей статьи.

На это считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы вовсе не принадлежимъ къ числу поклонниковъ нашей полиціи,— къ числу людей, считающихъ вполне правильными и законными все ея дѣйствія и распоряженія; мы хорошо знакомы съ крупными недостатками многихъ ея представителей—ихъ грубостью, дерзостью, самоуправствомъ и склонностью къ превышенію данной имъ власти. Но чувство справедливости не позволяетъ намъ произносить надъ полиціей осужденіе на основаніи показаній только одной, ей враждебной стороны, не выслушавши показаній ея самой. Никто не лишается закономъ права сказать слово въ свою защиту и оправданіе. Извѣстно, что по этому дѣлу назначено судебное слѣдствіе, которое безъ сомнѣнія лучше и безпристрастнѣе уяснитъ и раскроетъ истинныя причины и обстоятельства курскаго происшествія, чѣмъ корреспонденція *Р. Вѣдомостей*. Но къ какимъ бы результатамъ ни привело это слѣдствіе по вопросу относительно степени виновности полиціи въ курскомъ происшествіи,— мы всегдѣ никакъ не можемъ согласиться съ мыслью о томъ, будто вся вина «курскаго избиенія» должна пасть только на полицію, на эту, по выраженію корреспонденціи, «озвѣрѣвшую опричину». Значительнѣйшая доля этой вины неизбѣжно должна пасть на головы начальниковъ учебныхъ заведеній и родителей забастовщиковъ, а отчасти и начальниковъ города: вѣдь никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что если бы представители старшаго поколѣнія не захотѣли допустить демонстрацію противъ правительства при помощи забастовки школьниковъ, если бы они не захотѣли дѣтей превратить въ слѣпыхъ орудія для заявленія своихъ политическихъ вожделѣній; то безъ сомнѣнія не было бы того прискорбнѣйшаго событія, которое разыгралось на улицахъ Курска 12 февраля, не было бы мѣста для незаконныхъ дѣйствій полиціи, не было бы соблазнительнаго повода къ тѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ, которыя совершены были воспитанниками во время забастовки, и не было бы тѣхъ страданій

и мучительныхъ волненій, которымъ подверглись какъ сами юные и неразумные забастовщики, такъ и люди близкіе къ нимъ.

Поэтому свои мысли и соображенія по поводу забастовки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ мы заканчиваемъ тѣми же грозными словами Спасителя, которыя приведены были нами въ началѣ нашей статьи: *горе тому человеку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ... Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующаго въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсилъ ему мельничныи жерновъ на шею и потопилъ его въ глубинѣ морской.* (Матѣ. 18, 6. 7).

31 марта
1908 г.

